

Владимир Харитонов
Слеза Ангела

18+

Владимир Юрьевич Харитонов

Слеза Ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63996607

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-98509-4

Аннотация

Женский роман об очень тяжелой судьбе сильной женщины. Он для тех из "прекрасной половины" человечества, кто не очерствел душой, склонен к состраданию. Имена всех героев вымышлены, совпадения случайны.

Содержание

Глава 1. Украденное детство	4
Глава 2. Переезд в Россию	23
Глава 3. Учеба в школе	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Харитонов

Слеза Ангела

Глава 1. Украденное детство

Небольшой городок Каракол в Киргизии расположен вблизи восточной оконечности озера Иссык – Куль, до него всего 12 километров, в ста пятидесяти километрах от киргизско-китайской границы. Он является административным центром Иссык-Кульской области. Название происходит от киргизского слова «кара» – черный и «кел» – озеро. Черный цвет обозначает «большой», то есть – большое озеро. Правда, с 1889 по 1922 год и позже с 1939 по 1992 год город носил название Пржевальск в честь известного путешественника. Совсем рядом находится подножие хребта Терской-Ала-Тоо и протекает река Каракол. Город находится на высоте 1690 – 1850 метров над уровнем моря, поэтому климат здесь умеренно-континентальный с элементами горного и морского.

А какой красивый и разнообразный растительный мир окружает поселение: это и тянь-шанская ель с густой конической кроной высотой до шестидесяти метров, и арча-чудо-дерево, живущее до двух тысяч лет. В горах встречаются экземпляры до десяти метров в диаметре, правда, высотой не более шестнадцати метров. Зачастую арча растет

вместе с елью и другими хвойными деревьями. Пихта Семенова с густой темно-зеленой пирамидальной кроной достигает в высоту тридцати метров. Вдоль чистых и прохладных рек и вокруг озера Иссык-Куль красуются непроходимые заросли облепихи. Русские березки в этих краях редкие гости, но в самом городе иногда встречаются. Возможно, они и посажены русскими людьми, коих проживало не менее тридцати процентов, скучающими по этим прелестницам. Летом в окрестностях Каракол радуют своим великолепием многочисленные разноцветные дикие тюльпаны – ярко-красные, малиновые, желтые и оранжево-красные. Горы покрытые этой растительностью привлекают взгляд и казалось бы не оставляют места людской злобе и зависти, как бы говоря своим величественным видом – все суета и тлен, вечен только мир вокруг. Но люди способны испортить и это благолепие своими извечными пороками...

Вот в этом киргизском городе и родилась обычная русская девочка Виктория в 1966 году в неполной семье. Мать Надежда Викторовна замужем никогда не была. Поэтому отчество Павловна у Вики в метриках не соответствовало действительности, про своего биологического отца она так ничего и не узнает. А Надежда рано приобщилась к алкоголю, по характеру стала распущенной, однако долго сохраняла свою природную красоту, поэтому на нее обращали внимание многие мужчины, и русские и киргизы. Отказывала она им в ухаживаниях редко, особенно, если любовник при-

ходил с бутылкой. Тогда начинался «пир горой» и маленькая Виктория со своей бабушкой Марией, проводили время на улице, если тепло, или на кухне при выключенном свете – если холодно. Мария никак не могла понять, где и когда она совершила ошибку в воспитании дочери. Ведь любила ее, так же как и другие матери любят своих детей. Старалась ни в чем необходимом не отказывать, интересовалась делами, особенно, когда та поступила в школу. И училась, в общем-то, Надя неплохо, и подруги не были распущенными. Почему же судьба поступила с ней так коварно?

Марии всегда казалось, что несчастливцами становятся лишь не желанные дети. А Надежда родилась по большой любви и, казалось, что жизнь ее должна сложиться совсем иначе... Правда, растила и воспитывала мать в одиночку. Отец Виктор погиб в годы войны и Мария всю свою жизнь посвятила неблагодарной дочери. Жили они в небольшом частном доме на улице Дзержинского. Рубленый из бревен, заготовленных в местных лесах, как и большинство других домов на улице, состоял из комнаты-спальни и маленькой кухоньки, большую часть которой занимала кирпичная печь, служившая и для обогрева и для того, чтобы приготовить пищу. В спальне так же имелась печь-лежанка, на которой любила спать бабушка вместе со своей любимой внучкой. Для Надежды стояла двуспальная кровать, место, где она отдыхала одна или развлекалась с очередным ухажером. Стыдно ей, видимо, ни перед своей матерью, ни перед своей доче-

рью никогда не было. Тем более что своего ребенка она почему-то не любила и никогда этого не скрывала... Для Виктории всегда казалось большой загадкой, кто придумал ей такое красивое имя, которое подразумевало победу, и в чем заключалась эта самая победа.

Сколько девочка себя помнила, она всегда хотела кушать и даже не представляла, что такое есть досыта. Со слов бабушки, веселая мать кормила грудью дочь недолго и Марии приходилось покупать молоко у соседей-киргизов, которые держали козу. Однако у них большая семья, иной раз белого напитка на всех не хватало, и они в продаже отказывались. Тогда Мария заворачивала черный хлеб в марлю, окунала в чуть сладкую воду и давала ребенку вместо соски. Когда открылся молочный комбинат, бабушка Вики устроилась на работу уборщицей, чтобы время от времени побаловать внучку коровьим натуральным продуктом. Кстати сказать, ребенку бабуля казалась «старенькой», не способной к серьезной работе, между тем было-то ей всего сорок с чем-то лет. Надежда тоже устраивалась на работу, и на тот же молочный комбинат, и на рыбозаводный завод, но после первых же прогулов ее увольняли. Всю свою злобу за незадавшуюся жизнь родительница срывала на дочери. Совсем не остались в памяти у маленькой девочки какие-то материнские обнимашки или поцелуи, зато подзатыльники, порой без видимой причины, она запомнила на всю свою жизнь. Чаше попадало, когда бабушка оказывалась на работе, а к матери приходил

очередной друг с бутылкой алкоголя. Если Вика не догадывалась вовремя выйти на улицу во двор дома, то вылетала с пинком родной матери, иногда полураздетая.

Единственной, кто понимал ее слезы в тот момент, оказывалась дворняжка Марта, привязанная цепью к своей конуре. Она скулила и жалась к ногам Виктории, а девочка обнимала свою подружку, прижимала к себе и обе затихали. Когда на улице холодно, девчущка залезала в конуру, собака – следом и они лежали, согревая друг друга телами. При этом у Виктории иногда текли слезы, но она старалась их скрыть даже от своей лохматой подружки. Однако обида захлестывала с головой, ведь она видела, как другие мамы любят своих детей и никогда не обижают. И никак не могла понять, чем же она хуже их всех... Когда Марта ощущала всхлипывания ребенка, то смотрела ему прямо в глаза, стараясь разглядеть в них сырость, а заметив, своим языком слизывала слезы маленького Ангела и тихонько поскуливала. Вике становилось жалко свою лохматую подружку, даже больше, чем себя и...она успокаивалась.

Частенько ее спящую вытаскивала из конуры бабушка, у которой тоже текли слезы, но она ничего не могла поделать со своей непутевой дочерью. Утром, когда любовник уходил, а мать еще спала на своей кровати, Виктория убиралась и в комнате и на кухне. А девочке исполнилось лишь три с половиной года... Перед уборкой она ела то, что лежало на столе, остатки картошки, хлеба, закусанные яблоки, огурцы.

Затем тряпкой смахивала крошки в собачью плошку, остатки пищи, видом которой сама брезговала, и несла своей подруге Марте. Так они вместе и выживали. После завтрака девочка-хозяйка веником подметала мусор и мокрой тряпкой мыла пол. Первый раз она сделала это сама, добровольно, но мать быстро поняла пользу от малолетней дочери и в дальнейшем даже била, если просыпаясь, обнаруживала грязь. Как-то бабушка попыталась заступиться, но услышала столько угроз и оскорблений, что в дальнейшем не связывалась со своей буйной кровинушкой, видимо понимая свою вину и упущения в ее воспитании. Киргизы, видя притеснения ребенка, делились не только козьим молоком, но изредка и детской одеждой. А порой втайне от гулящей женщины они прикармливали маленькую русскую мученицу своей нехитрой снедью. Однако встречали не всегда гостеприимно, и Виктория без приглашения лишней раз старалась к ним не ходить. Да и жили они тоже достаточно бедно.

Когда девочке исполнилось четыре года, в окрестностях Пржевальска случилось самое настоящее землетрясение. Причем в целых восемь баллов, как потом говорили по телевизору. Произошло оно в одиннадцать часов дня, 5 июня 1970 года. За минуту до сильных толчков из самых недр земли, директор одной из местных школ велел всем ученикам выпрыгивать в окна. Когда все покинули здание, оно рухнуло, но в итоге никто не пострадал. Оказалось, что руководитель школы почувствовал сначала слабый толчок, на кото-

рый никто не обратил внимания, а он мгновенно среагировал. По телевизору его хвалили. Виктория сидела дома, когда услышала крики соседей и выскочила на улицу, посмотреть, что происходит. Она почувствовала несколько сильных сотрясений под ногами. Мать пьяная спала в комнате, и ребенок переживал, чтобы тот, кто над ней столько издевался, не погиб. Ведь это ее мама... А еще ей стало страшно за подругу Марту, которая забилась в угол конуры и жалобно скулила. О себе она в этот страшный момент даже не подумала. К счастью беда в тот раз обошла дом стороной.

Однажды по зиме кончились дрова, бабушкину небольшую зарплату отобрала Надежда Викторовна, и покупать их было не на что. Мария решила сходить в лес за упавшим сухостоем и взяла с собой внучку, которой только-только исполнилось пять лет. Кстати сказать, дни рождения Вики никогда не отмечали, и она совсем не ждала самого счастливого праздника в году для обычного ребенка. Идти за дровами не очень далеко, и вскоре взору путешественников открылся изумительный вид. Вдалеке виднелись белоснежные шапки гор, а на подступах к ним смешанный и достаточно густой лес. Вечнозеленые сосны и ели придавали ему особую красоту. День слегка морозный, но ясный, сияющее солнце окрашивало все вокруг разноцветными красками. Девочка в тот момент ощущала себя счастливой – никто не ругался, и она даже забыла про обычное чувство голода, забыла про то, что у нее никогда не имелось игрушек, забыла про то, что на ней

одета непривычная для русской девочки старенькая одежда, которую дали соседи киргизы. Виктория шла и беззаботно щебетала со своей любимой бабушкой, делясь с ней своими недетскими проблемами. А та обещала сшить красивую куклу из тряпок и поговорить с Надеждой, чтобы она разрешила хоть иногда смотреть по старому маленькому черно-белому телевизору мультики. Вскоре набрали вязанку дров, которую бабушка обвязала веревкой и загрузила себе на спину, а Виктория взяла еще несколько палок в руки и несла их рядом, напрягая свои неокрепшие детские мышцы.

Бабушка Мария слово сдержала... Кукла у нее получилась некрасивая, с большой головой и разными ногами, но это был лучший подарок для маленького человека. Она сразу полюбила ее, почти как Марту, и всегда брала с собой спать, обязательно целуя перед сном и желая доброй ночи. Несмотря ни на что Вика росла умной и доброй девочкой и никогда не завидовала соседским детям, которые вели обычную, беззаботную детскую жизнь. Друзьями – погодками она к этому возрасту не обзавелась. Соседи своих детей к дому Виктории не пускали, из-за дурной славы ее матери, а сама она от дома отходить не решалась. Боялась, что за это ее побьет мама, боялась и того, что ее прогонят родители тех детей, с которыми она хотела бы подружиться. Ведь она бедная, и у нее ничего нет. «А бедных никто не любит», – думала Виктория в свои пять лет.

А как-то раз поутру Надежда, выйдя на улицу, еще не про-

трезвевающим взглядом увидела свою дочь, спящую в конуре Марты в обнимку с собакой. Ее данный факт оскорбил до глубины зачерствевшей души. «Мало ли кто увидит из соседей, что тогда скажут», – подумала родительница, заботясь о своей репутации. Ей и в голову не приходило, что ее имя хоть чем-то еще замарать невозможно. Мать вытащила Вику за ногу, ударила ладонью по лицу и велела «уйти с глаз долой и домой больше не возвращаться»... Девочка в испуге убежала от разъяренной мамы Нади и до вечера бесцельно бродила по городу. К счастью наступило лето, на улице тепло и солнечно, а то, что хотелось кушать, так к этому она давно привыкла и не обращала никакого внимания. Вечерело... По пути следования ребенка попала строительная теплушка на колесах. Виктория залезла под нее и на каком-то мягком мусоре улеглась спать.

Проснулась поутру и только оттого, что ее растолкал строитель – невысокий, худой мужчина лет пятидесяти киргизской национальности. Он что-то бормотал на своем языке, но девочка его совсем не понимала. Затем подошли другие рабочие, среди них оказались и русские. Они расспросили, кто она и что делает под их вагонеткой. Викин рассказ буквально поверг их в шок:

– К маме вчера пришел дядя с вином, и она выгнала меня и бабушку на улицу. Баба Маша ушла спать к подруге, звала меня с собой, а я отказалась. Вдруг мама передумает и пустит меня домой. Потом залезла в конуру к Марте и усну-

ла... А мама утром увидела, избила меня и сказала, чтобы я ушла навсегда. Дяденьки простите меня, что я залезла под ваш домик. Я больше не буду...

Минут на пять установилась абсолютная тишина, мужики курили, стараясь не смотреть не только в слезящиеся глаза девочки, а и друг на друга. Когда немного пришли в себя, открыто стали возмущаться, качали головами, приговаривая: – «Да как так можно? Что это за мать такая?»...

Однако взрослые понимали, что помочь ничем не могут, принесли бутерброды с чаем, накормили голодного ребенка и... велели идти домой. Девочка еще целый день одна слонялась по городу, а вечером опять вернулась к теплушке строителей. Надежда пропажу дочери и не заметила, у нее своих проблем полно – никто не шел с выпивкой, а время шло, и с ним уходила возможность весело провести время. Мария, конечно же, хватилась внучки, расспросила непутевую мамашу, своих соседей, но никто ничего толком сказать не мог. Зато Марта рвалась с цепи, скулила и вертелась словно юла. Она всем своим видом давала понять, что найдет маленькую хозяйку. И бабушка Вики ее отвязала. Та рванула со всех ног в сторону города и через два часа уже тормозила своей узкой мордашкой спящую хозяйку. Лохматая верная подружка прыгала, лаяла и слегка повизгивала, выражая огромную собачью радость. А потом за платице потащила девочку к дому. Так они и вернулись – Марта зубами вцепившаяся в одежду и ребенок со слезами на глазах...

Мария решила скопить от своей скудной зарплаты немного денег и купить маленькую козочку, чтобы вырастить ее и иметь свое молоко. На рынок она с Викторией пошла рано утром в воскресенье. Он находился всего в двух километрах к северу от центрального Каракола (Пржевальска). Там продавали в основном овец, лошадей, красивые кожаные седла, но можно купить и козленка. Дорогой опять открылся волшебный вид на горы, душа маленькой девочки ликовала, и она крепче вцепилась в бабушкину руку. Подходящего козленка сторговать так и не смогли, денег не хватило, но Мария купила немного мяса, чтобы сварить дома непостной похлебки и совсем чуть-чуть халвы и лукума – восточных сладостей для внучки. Скушать их она советовала по дороге домой, чтобы Надежда не знала, на что оказались, потрачены деньги. Однако Вика есть одна, отказалась категорически – сначала угостила бабушку и проследила, чтобы та все съела, затем немного поела сама и спрятала в кармане завернутый в газету сладкий кусочек для своей мамы.

В этот день Надежда плакала, просила прощения у своей маленькой дочки, но... через неделю в пьяном виде опять избивала ее и выгнала на улицу за то, что не убралась в комнате после очередного маминого гостя. Бабушка вечером почему-то долго и усердно молилась возле иконок в углу. При этом на глазах ее виднелись слезы... В 1895 году в городе построили деревянную красивую Свято-Троицкая церковь. В годы советской власти она оказалась закрыта, как и тысячи

других храмов. В ней обустроили спортзал. Возвращена святая обитель в собственность православной общины лишь в 1995 году. Поэтому верующие люди могли помолиться только у себя дома. Виктория спросила у бабушки, когда та закончила, с кем она разговаривала в углу и почему плакала. Мария, как могла, объяснила внучке, что обращалась к Богу, что Он всемогущий, всех видит и слышит и помогает тем, кто в Него верит и обращается к Нему за помощью. А еще бабушка сказала, что просила Бога вразумить Надежду, чтобы та бросила пить и чтобы Виктория росла счастливой.

– А я могу, о чем ни будь попросить Бога? – спросила девочка.

– Нет, ты некрещеная, тебя Он не услышит, – ответила Мария, но видя, что внучка вот-вот заплачет, добавила, – я тебя свожу к священнику, чтобы он провел обряд, только ты не говори матери.

– Хорошо, – почему-то шепотом произнесла Виктория.

В ближайшее воскресенье бабушка повела ее ближе к центру города через три улицы в большой каменный дом, где жил священник. Именно здесь он втайне от властей проводил церковные обряды. Иногда к нему даже заглядывали даже члены всемогущей коммунистической партии, но прячась от людских глаз и боясь малейшей огласки. Батюшка принимал всех. В этот день он внимательно выслушал Марию и попросил подождать в соседней комнате, пока он переоденется. Старенький и худой мужчина невысокого роста с седой

бородкой и жиденькими седыми волосами на голове когда вышел в облачении священнослужителя, то показался Вике большим и строгим волшебником. Комната, в которой происходило крещение, была большой и квадратной, все стены увешаны иконами, с которых смотрели строгие лица. Посередине стоял большой медный таз. Батюшка велел девочке раздеться догола и присесть в него, а сам стал поливать сверху из ковша прохладной водой на голову и худое тельце будущей христианки. При этом почти шепотом приговаривал какие-то молитвы. Рядом стояла его супруга Любовь Петровна. Со слов Марии, она стала крестной матерью для Вики. Девочка очень обрадовалась, что у нее теперь будет две мамы, одна из которых добрая и совсем не пьет вино. Потом священник дал полотенце, велел вытереться и одеться. Он зачем-то обрезал немного волос с головы и долго-долго читал по какой-то книжке странные слова, смысл которых Виктории оказался непонятен. Между тем жена священника принесла из соседней комнаты медный крестик на веревочке, и батюшка привязал его на шею девочки, сказав при этом, чтобы она его никогда и ни при каких обстоятельствах не снимала. «Теперь Бог видит и слышит меня, и я могу в любое время к Нему обращаться», – подумала юная христианка.

Матери она ничего не сказала, но однажды днем, когда та пьяная лежала на своей кровати, Виктория встала перед иконками бабушки. Молитв она никаких не знала и просто просила Бога, чтобы Он помог родительнице бросить пить.

Девочка так увлеклась, что не заметила проснувшуюся Надежду, которая стояла сзади ее в полном недоумении.

– Это чего ты тут делаешь?– спросила она – может ты, и крестик носишь?

При этом резко повернула дочь к себе и, увидев на груди медный крестик, замахнулась, чтобы ударить по голове, однако... рука застыла в воздухе, и довести свой пьяный замысел до конца она так и не решилась. Виктория воспользовалась замешательством и выскочила на улицу, не успев надеть пальто. В этих местах даже в летнее время вечерами бывает прохладно. Ночью температура воздуха опускается до 8°C, а днем поднимается до 28°C. Дворняжка Марта вылезла из конуры, привычно заскулила и завертела хвостом. Вика залезла в ее домик, обняла свою лохматую подругу и, несмотря на то, что диск солнца только-только достиг зенита, они уснули. Разбудила ее пришедшая с работы бабушка. Она привела внучку в дом, и может быть впервые, резко накричала на свою дочь, обзывая ее разными матерными словами. Та растерялась, молча выслушала монолог разъяренной Марии и ушла на свою кровать. А Виктория поверила, что Бог помог ей избежать неза заслуженного избиения.

Между тем, прошло время, девочке исполнилось семь лет, и осенью бабушка отвела ее в школу № 2, больше известную как школа имени Николая Михайловича Пржевальского. Это единственное в городе учебное заведение, где обучение производилось на русском языке, хотя русских учеников

имелось не более одной трети от общего количества школьников. Здание двухэтажное из кирпича, окрашенное белой краской, построено еще в 1940 году. Оно довольно длинное, с большими окнами, широкими зеленого цвета лестницами. Во дворе расположен бюст Н. М. Пржевальского. Вокруг растут березы и вечно зеленые ели. Здесь же находилась и небольшая спортивная площадка. Правда, имелся и спортзал в отдельном здании, но оно уже настолько ветхое, что его заперли на замок и никогда не пользовались. Путь в школу проходил мимо Свято-Троицкой церкви, однако поскольку храм не служил по своему прямому назначению, бабушка предупредила:

– Внученька, нам положено крестить лоб, проходя мимо храмов, но поскольку наш не работает, этого делать не надо... И вообще в школе никому не говори, что крещенная, и что веришь в Бога.

– Хорошо, бабуля, никому не скажу.

Этот совет Виктория запомнила надолго и никогда его не нарушала.

Зато в школе у нее появились первые подружки, русские девочки Таня Березина и Даша Рыбина. Жили к тому же они недалеко друг от друга и частенько вместе шли и на учебу и обратно. Объединяло их и то, что все хорошо учились, буквально с первых дней. Вот только одежда на Виктории была старенькой и попеременно русская и киргизская... Она постоянно стыдилась, данного факта, но поделать ничего не мог-

ла. Просить маму или бабушку купить школьную форму она боялась, понимая, что денег на это в семье нет.

Первый учебный год в своей жизни Вика закончила на одних четверки и пятерки, показала дневник матери, хотела по-детски похвастать, но та ничего не сказала. Она сидела за столом трезвая и злая, а ребенок напрасно ждал похвалы... Зато бабушка сводила Викторию в город и купила ей настоящее мороженое в качестве награды за хорошие оценки. Оно сильно таяло, и для матери девочка его не донесла, угостила только любимую бабулю.

– Ты очень добрая растешь внученька, – сказала растроганная женщина и поцеловала Вику в обе щечки.

Немного прошли в сторону дома молча, но Мария тишину нарушила:

– Я написала письмо своей сестре в Россию и та обещала к концу лета приехать. Погостит у нас недельку, с тобой познакомится, может подарок какой тебе купит.

Виктория расплылась в улыбке, как все дети она любила гостинцы, тем более их ей почти никто не дарил. Разве только бабушка, да и то нечасто...

Валентина Васильевна, так звали родственницу, из России подарка не привезла, однако оказалась женщиной веселой, слегка полноватой и совсем непохожей на Марию. Сестры долго пили чай вдвоем и о чем-то беседовали. Вика, бегая то к ним, то на улицу к Марте иногда слышала свое имя, но смысла разговора уловить не могла. Вскоре из города верну-

лась и Надежда Викторовна с очередным своим ухажером. Киргиз по национальности, лет сорока, невысокий и коренастый, с высокомерным выражением лица нес в руках бутылку водки. Следом семенила Надежда с магазинным пакетом, в котором явно лежала нехитрая закуска. Намечалась очередная веселая попойка. Им навстречу во двор вышли бабушка со своей сестрой. А Виктория гладила подружку Марту по лохматой голове, с тревогой кидая косые взгляды в сторону родительницы и ее гостя. Видимо присутствие сестры придало смелости Марии, и та категорично произнесла:

– Незванный гость хуже татарина. Мужик, иди домой, ко мне сестра из России приехала. Дворняжка неожиданно зарычала и схватила киргиза зубами за ногу. Тот напугался и отскочил в сторону, но при этом уронил бутылку на камень, лежащий на земле. В воздухе запахло водкой. Гость буквально взбесился, схватил подвернувшуюся толстую палку и с яростью стал бить собаку по голове. Виктория по-детски визжала, пыталась за цепь оттащить Марту от истязателя, но та уже не подавала признаков жизни, по земле растеклась ее алая кровь. Киргиз ушел, а девочка еще долго трясла свою подружку, прося ее не умирать. Руки ребенка оказались в крови...

Валентина Васильевна практически силой увела Викторию в хату, смыла с рук кровь под умывальником и крепко прижала к себе, стараясь скрыть слезы... Яму для Марты копала Надежда, а ее родительница стояла рядом и пла-

кала. Когда над несчастной собачкой вырос холмик земли, обе пришли в дом. Сестра бабушки предложила всем сесть за стол и серьезно поговорить. Когда взрослые уселись, она сказала, обращаясь к Вике:

– Ты еще маленькая для таких разговоров, закрой ушки ладошками и не подслушивай.

Девочка послушно и старательно выполнила требование своей родственницы, но зачем-то при этом закрыла и глаза. Валентина Васильевна, видя это, улыбнулась и продолжила:

– Нельзя воспитывать ребенка в таких условиях. Если она вам в тягость, давайте заберу Вику с собой в Россию. Там она не будет ощущать себя брошенной и ненужной. Со школой мы решим, моя сноха работает учителем.

Воцарилась тяжелая и напряженная тишина... Мария думала: «Конечно, я ее может быть, больше не увижу и буду сильно скучать по ней. Но...сестра права... Я умру, и что будет с внученькой?». Однако первой высказать мнение она не решилась, сидела и молча смотрела на Викторию... А Надежда почти без раздумий ответила:

– Да здесь дочке плохо, у нас денег постоянно не хватает, и она ходит как оборванка. Вы, наверное, живете богаче там, в России,...так что я не против.

Мария не выдержала и с рыданием силой притянула к себе внучку, невольно заставив ее убрать руки от лица. А Валентина Васильевна взяла ситуацию в свои руки и обратилась к ребенку:

–Ну, что Вика, поедешь со мной на Волгу? У нас хорошо, красиво, заведешь себе подруг, а к твоей бабушке мы изредка будем заезжать. Между поездками письма будешь ей писать.

– Поеду, – по-взрослому кратко, но по-детски всхлипывая, ответила Виктория.

Она наивно думала, что все плохое у нее в жизни с отъездом закончится и впереди ждет счастливая детская жизнь без взрослых забот...

Глава 2. Переезд в Россию

Сборы оказались недолгими. Кроме той одежды, что имелась на ребенке, бабушка положила в сумку старенькое осеннее пальто серого цвета и черные резиновые сапожки. Более теплой одежды у Виктории не было, да здесь в Киргизии она и не требовалась. Настоящих морозов в этих местах никогда не случалось. А еще Мария достала припрятанные деньги, завернутые в носовой платок, и отдала их своей сестре на дорогу «и на всякий случай».

Встали рано утром, Надежду будить не стали. Девочка с бабушкой Марией и Валентиной Васильевной немного постояли во дворе, на могилке Марты, у Виктории на землю капали крупные слезы. И она не пыталась их скрыть или смахнуть рукой. Ведь собака была единственным настоящим другом, если, конечно, не считать бабушки. В одной руке девочка держала уродливую куклу, с которой не захотела расстаться, в другой легкую сумку с нехитрыми вещами. Так и пошли пешком – две сестры и ребенок на самую окраину города к автовокзалу. Дорогой Виктория попросила бабушку передать привет подружкам Тане Березиной и Даше Рыбиной и обещание, что она им будет иногда писать письма из далекой России.

– А мне ты напишешь письмо?– спросила Мария.

– Конечно, и тебе и маме, – ответил, не задумываясь, ре-

бенок.

На стареньком «Икарусе» предстояло проехать двести двадцать километров до города Балыкчи, где находилась железнодорожная станция. Перед тем, как войти в автобус, бабушка взяла нетяжелую Викторию на руки, крепко прижала к себе и обе заплакали. Они еще не понимали, но чувствовали, что расстаются навсегда. Девочка села у окна и долго махала рукой единственному действительно родному человеку в мире. А когда та скрылась из глаз, еще долго всхлипывала, утирая слезы. Дорога проходила мимо озера Иссык-Куль и скоро прекрасные пейзажи из окна на какое-то время отвлекли Вику от грустных мыслей. Глядя на огромное безмятежное озеро, на окружающий его лес и горы вдаль, она восхищалась красотой природы. При этом непроизвольно про себя разговаривала с Богом. Просила помощи и защиты в жизни для себя и своей бабушки Марии. Она знала, что без нее вся злоба матери будет изливаться на стареющую тихую женщину, которая будет терпеть и плакать. А еще немного страшно от неизвестности, что ожидает ее там в огромной и холодной России. Как ее встретят родственники Валентины Васильевны, где она будет жить, будут ли у нее там друзья.

Когда уже ехали в поезде, сестра бабушки рассказала:

– В городе Кинешме на улице Репина у нас стоит большой рубленый дом. Кроме меня проживают сын Николай, сноха Вера Петровна и двое моих внучат Виктор, десяти лет, он уже ходит в школу и Оля. Ей всего пять лет, она еще в

детском садике. Ты с ними должна поладить, они хорошие, добрые. Сын со своей женой, правда, иногда ругаются из-за денег. Она его упрекает, мол, мало зарабатывает. Ну да, слесарь на фабрике... велика ли зарплата... Так и сама учительница в школе, не ахти как получает, а запросы как у королевы. Своих детей постоянно ругает, не любит, наверное. Сильно строга...

Виктории показалось, что Валентина Васильевна сама побаивается невестки, и она спросила:

– А меня тетя Вера не выгонит из дома?

– Не выгонит, не бойся. Дом-то мой, сама бы ее выгнала, да сына жалко, сопьется, коль останется один.

За разговором время прошло незаметно. Конечно, говорила-то в основном взрослая женщина, девочка ее внимательно слушала, хотела понять, что ее ожидает в незнакомой, по сути, чужой семье...

Приехали в Кинешму под вечер. На всю оставшуюся жизнь Виктория запомнила это время – конец августа 1974 года. С этого времени она стала ощущать себя одновременно и россиянкой, и кинешемкой. Когда вышли из поезда, то девочке город показался огромным. Много людей почти бегом двигалось к остановке автобуса, на улице еще тепло, но солнце клонилось к закату. В городе Каракол в это время всегда прохладно. А еще Кинешма показалась очень нарядной. Кругом росли зеленые деревья, и это добавляло красоты старинному русскому городу.

– А где же Волга? – спросила Виктория, когда на остановке ждали нужного автобуса.

– Отсюда не видать, но я тебе ее обязательно покажу, – пообещала Валентина Васильевна.

Подошел большой желтый автобус с цифрой «3» впереди. Сестра бабушки сказала:

– Это наш, заходи побыстрей.

При этом слегка подтолкнула в спину свою маленькую спутницу. Тем не менее, все места оказались заняты, и обеим пришлось стоять на задней площадке. Вике показалось тесно, со всех сторон давили люди. Она к такой давке не привыкла и хотела только одного – добраться до нового места жительства и как следует выспаться. Наконец приехали, прошли немного пешком, и зашли в дом. Вся семья оказалась в сборе. Увидев, что мать не одна, у сына Николая, его супруги и детей округлились глаза от удивления и пропал дар речи. Ведь сотовой связи тогда еще не существовало, и их никто не предупредил о маленькой девочке, которая надеется поселиться у них. Видя общее замешательство, Валентина Васильевна безапелляционным голосом произнесла:

– Это Виктория, она будет жить у нас. Сейчас ее надо накормить и уложить спать. А я потом все объясню.

В ответ никто не произнес ни звука. Хозяйка дома сама на электрической плитке поджарила два яйца и с кусочком хлеба, поставила на стол. Вика продолжала стоять у входа с сумочкой и куклой в руках, опустив глаза в пол.

– Чего стоишь, как вкопанная, – нарушила тишину Валентина Васильевна, – иди, ешь да ложись спать. Утро вечера мудренее.

Девочка довольно быстро все скушала, даже не почувствовав вкуса. Вскоре к Вере вернулся дар речи, и она резко сказала:

– Пусть ложится на веранде, там постелено, Николай все лето спал, не замерз.

Девочка ушла, разделась и почти сразу уснула, но и сквозь сон слышала ругань взрослых, происходящую в доме, и понимала, что это из-за нее. Снилось ей бабушка Мария. Она стояла возле своего дома и махала Вике белым платочком, вроде как прощалась...

А когда проснулась утром, то увидела, что дома находятся лишь Валентина Васильевна и ее невестка Вера, которая с серьезным выражением лица только что начала подметаться в комнатах. Виктория спросила:

– Тетя Вера, а мне бы воду, ведро и тряпку, я вам помогу.

Та молча кивнула в угол комнаты, где висел умывальник. Девочка привычно приступила к мойке пола. Причем, тщательно убирала каждую соринку. Жена Николая, видя ее старания, немного оттаяла, и с натяжкой улыбнувшись, произнесла:

– Я работаю в десятой школе, на улице Котовского. Это недалеко от дома и устрою тебя на учебу туда во второй класс. Надеюсь, ты меня не опозоришь.

Вика не стала показывать свой дневник с оценками, справедливо полагая, что это нескромно и твердо решила учиться еще лучше. Жизнь потихоньку налаживалась. По крайней мере, ее никто не бил и не ругал грубым матом. Но с этого дня установилось негласное правило – Виктория регулярно убирается в доме и кормит кур во дворе, собирает куриные яйца. А за это ее кормят и предоставляют ночлег. В общем, не озвученный договор, как с взрослым человеком, ... а она всего-навсего восьмилетняя девочка.

Как-то в воскресенье Валентина Васильевна собралась в Успенский собор на утреннюю службу. Потом наметила зайти на центральный рынок за продуктами. Виктория напросилась вместе с ней, хотела поближе познакомиться с городом.

– Хорошо, – согласилась Валентина Васильевна, – заодно я тебе и Волгу покажу.

Встали в половине восьмого, и пошли, сначала на автобусную остановку и, немного проехав, уже пешком в храм. Девочка впервые оказалась в православном соборе. Он поразил ее огромными размерами, разрисованными стенами, потолком, и множеством икон. Она подумала, что именно здесь живет невидимый всемогущий Бог. Подражая своей старшей спутнице, возле икон старательно крестила лоб. Шептала про себя просьбу к нарисованным строгим дядям и тетям о вразумлении матери Надежды и помощи бабушке Марии. Просила помочь и ей самой в нелегкой и недетской жизни. Время от времени у нее на глазах появлялись слезы. Вален-

тина Васильевна, видя наивного ребенка, который безоговорочно верил в существование добрых сил, прониклась к нему произвольным сочувствием...

Потом они пешком прошли на рынок. Пожилая женщина и девочка ходили по многочисленным рядам, и Виктория не переставала удивляться обилию товаров. Здесь предлагали рыбу, выловленную в Волге, мясо, сыры, молоко, сметану, различные овощи и фрукты. Валентина Васильевна выборочно покупала какие-то продукты, при этом тщательно торгуясь с продавцами. Случайно они натолкнулись на невысокую худенькую женщину средних лет, которая выложила на прилавок ношенные вещи для девочки. А на Виктории «красовались» киргизские штанишки и старое цветное платье, непонятного происхождения. Валентина Васильевна пересмотрела все предметы одежды, выставленные на продажу, и велела Вике примерить платье в горошек и теплые чулки на резинках. Девочка послушалась и, несмотря на то, что обнова оказалась чуть великовата, выглядеть она стала совсем как обычная русская девочка. Старые вещи, подаренные киргизской семьей, сестра бабушки положила в свою сумку.

А с рынка они двинулись на Волжский бульвар. Ухоженные дорожки и деревья по обе стороны привели Викторию в восторг. А еще ей казалось, что все проходящие люди завидуют ей только что купленному красивому платью... Наконец, подойдя к чугунному парапету, девочка застыла в изум-

лении. Широкая река несла свои тяжелые воды куда-то в бесконечную даль, большие волны с белыми гребешками догоняли друг друга, над ними с громкими криками летали большие белые птицы, время от времени выхватывая из воды несчастных рыбок. Огромные пароходы важно плыли в обоих направлениях, приветствуя друг друга мощными гудками.

– Бабушка, это Волга? – Невольно вскрикнула Виктория назвав самым дорогим словом Валентину Васильевну.

– Да, это народная любимица, главная река России – Волга... – Ответила та.

– А как называются белые птицы, которые кричат и ловят рыбок?

– Это чайки.

С этого момента душа маленького человека наполнилась искренней любовью к приютившему ее городу. Ее она сохранила на всю оставшуюся жизнь. Но при этом почему-то опасалась возвращаться в дом, давший ей кров. Вика понимала, что тетя Вера будет ругать Валентину Васильевну за покупки для чужого ребенка. И не ошиблась, лишь только паломники вошли в дом, учительница перешла на крик, употребляя выражения, не характерные для педагога. Пожилая женщина пререкалась со своей невесткой недолго, очевидно ощущая свою неправоту, и вскоре вообще ушла на улицу. Тогда ее сноха переключилась на Викторию:

– Погляди, в доме грязно, куры не кормлены. Уселась на нашу шею и думаешь так и надо?

Девочка стояла у порога, опустив глаза в пол, и ничего не отвечала. Казалось она готова вот-вот разрыдаться. Тем более что про кур-то действительно забыла, и как только учительница замолчала, выскочила во двор исправить свою оплошность. Не такой ей представлялась жизнь в России...

В доме жил еще кот Васька, большой черно-белый и пушистый. На него особо никто не обращал внимания, но с первых дней появления нового жильца он решил спать рядом с ним. При этом мурлыкал и прижимался всем телом к доброй девочке. Когда ее ругала сварливая Вера Петровна, Васька терся своим бочком о ноги Виктории и напевал свою обычную кошачью песню. Он словно предлагал не обращать внимания на все превратности судьбы и просто улыбаться. «Да крики-то не страшно, главное, что не бьют», – так успокаивала себя девочка, насыпая зерно голодным курам. Зато она нашла целых пять яиц и принесла их домой. После этого подмела все полы и тщательно вымыла их мокрой тряпкой. Это занятие стало для нее абсолютно привычным...

Глава 3. Учеба в школе

Первого сентября Вера Петровна взяла с собой сына Виктора и Викторию, и они пешком направились в школу № 10 на улице Котовского. Здание учебного заведения оказалось даже меньше по размерам, чем в Караколе (Пржевальске), а девочке думалось, что в таком большом городе и школы большущие. Однако и эта выложена из кирпича, в два этажа. Стены оштукатурены и покрашены краской мутно-коричневого цвета. В общем, особого впечатления новое место учебы на Викторию не произвело. Зато носило оно имя Героя Советского Союза Юрия Смирнова. Его бюст стоял перед центральным входом, возле которого традиционно и проводились торжественные линейки. Скульптура напомнила Вике школу в Караколе, где тоже имелся бюст, только не героя, а путешественника. Все дети на построении казались нарядными, многие в руках держали цветы. Лишь новая ученица стояла в своем не по размеру большом платье в горошек и без букета. Она очень стеснялась за свой вид и боялась того, что все обратят на нее внимание и будут смеяться. Однако ученики смотрели на педагогов и шептались между собой, не уделяя никакого внимания незнакомой однокласснице. Вера Петровна подарила Вике старый портфель своего сына и книги за второй класс. Девочка и внутренне подготовилась к урокам, но никаких занятий в эту торжественную

дату проводить не стали.

На другой день Виктории пришлось идти в школу одной, ее родственник и почти тезка попал во вторую смену обучения. Однако она нашла нужный класс, следуя по пятам за девочкой, которая почему-то запомнилась еще вчера. Место рядом с ней за партой оказалось свободным и Вика, не спрашивая разрешения, уселась на него. Как только вошла учительница, новенькая глядела лишь в ее сторону, готовая запомнить каждое слово. Внешне строгая Мария Ивановна, невысокая, худенькая, лет сорока поздоровавшись с учениками, всем предложила сесть, а новенькой сделала знак рукой и та застыла в ожидании.

– Дети, у нас в классе будет учиться новая девочка. Ее зовут Викторией, приехала к нам из Киргизии. Давайте вместе поможем ей привыкнуть к новому коллективу, – сказала учительница и, посмотрев на Вику добавила, – присаживайся.

С первых дней Виктория на уроках вела себя тихо и скромно, не шепталась с соседями, как делали другие дети, внимательно слушала учительницу. В начальном классе, а он оказался в единственном числе, занятия по всем предметам проводил один и тот же педагог. Имя его напомнило девочке о далекой и любимой бабушке. Соседкой по парте оказалась такая же серьезная ученица Таня Коломина. Очень быстро девчонки подружились, тем более что в дневниках обеих стояли одни пятерки. Впрочем, Татьяна и до прихо-

да Виктории, еще в первом классе, училась так же хорошо. Ведь ее никто не принуждал к работам по дому. Ее основным занятием было выполнение домашних уроков. А Вика, приходя домой, первым делом убиралась в доме, не забывая накормить кур и собрать их яйца, лишь после этого садилась за учебники. Если на кухне стол никем не занят, то раскладывалась на нем, а если ее прогоняли, то – на веранде, на своем матрасе прямо на полу.

Как и обещала, она написала несколько писем в Киргизию бабушке Марии, в которых рассказала про свою жизнь, ни на что собственно не жалуясь. Карманных денег на конверты, естественно, у нее не имелось. Поэтому отдала исписанные листочки Валентине Васильевне, чтобы та отправила по назначению. После тщательной цензуры, послания оказались в печи, ведь в них не было восторженных слов о каждом члене новой семьи, особенно о самой хозяйке дома. А она в том, что заслужила благодарность, практически не сомневалась, даже в глубинах своей потаенной души. Конечно же, Мария писала внученьке, не дожидаясь от нее вестей. «Ведь она совсем ребенок, заигралась с новыми друзьями и забыла про обещание, – думала пожилая женщина, – да и уроки ей надо учить, чтобы учителя не ругались». Однако и письма бабушки до адресата не дошли, сгорели в той же печке. Валентина Васильевна поступила коварно не со злобы, а из страха упреков своей сестры за неоправданные надежды. Можно сказать, согрешила произвольно. Однако для очистки

совести от своего имени написала все-таки одно короткое письмо сестре, мол, все нормально, внучку устроили в школу, катается, как сыр в масле, ни в чем не нуждается... и все. А девочка думала, что бабушке некогда отвечать на ее письма. Ведь все заботы по дому лежали на ней. И, конечно же, Вика не обижалась...

Таня Коломина училась в этой школе второй год и на прачках «хозяйки» каждую большую перемену проводила короткие экскурсии со своей новой подругой. На первом этаже при входе находилась большая раздевалка, направо – кабинет директора школы, налево симметрично – кабинет секретаря. Дальше слева – кабинет труда, ему справа – столовая. Далее с обеих сторон неширокие лестницы на второй этаж. На нем посередине начальный класс и еще семь комнат для старших учеников. На первом этаже справа от входа имеется пристройка для девярых-десятых классов. Поэтому школа выглядит буквой «Г». В эту пристройку малышня обычно не ходит, но Таня с Викторией, преодолевая какой-то внутренний страх, побывали и там.

Сдует отметить, что Вера Петровна преподавала географию в старших классах. Ее коллеги говорили как бы в упрек, мол, сын Виктор еле тянет на тройки, а приемная Виктория – пятерочница. Это еще больше настраивало Веру против девочки, да и Виктор стал называть ее выскочкой и зубрилкой. Вика надеялась на заступничество Валентины Васильевны. «Ведь за хорошую учебу нельзя ругать», – думала ученица.

Однако хозяйка дома заняла сторону своего родного внука. Он ей гораздо ближе, хоть и троечник. От прежней жалости к Виктории и каких-то родственных чувств не осталось и следа. Пожилая женщина видела в отличнице угрозу для репутации своей семьи. А девочку ее членом она не считала. У маленькой Вики невольно в душе зародилась обида от такой несправедливости. Она никак не могла понять, в чем же ее вина? Неужели в том, что учится хорошо, а их сын и внук – плохо? Вечерами, когда ложилась спать с пушистым Васькой, Виктория часто обращалась к Богу и спрашивала его, почему ее никто не любит и чем она хуже других детей? Но Боженька молчал, а сама она найти ответы на эти вопросы не могла. Она еще не знала, что душевная чистота и безгрешность служат как бы укором для тех, кто этими добродетелями не обладает...

Между тем, на улице становилось все холоднее и холоднее. Веранда не отапливалась и за час до сна Виктории сестра ее бабушки включала электрический обогреватель и открывала дверь на кухню, чтобы хоть как-то поднять температуру в помещении. Но это тепло быстро выветривалось и даже под ватным одеялом, которое выделила Вера Петровна, было холодно. От этого Вика иногда просыпалась ночью, но попроситься в комнату, где спали остальные члены семьи, или хотя бы на кухню она боялась. Боялась того, что ее выгонят на улицу, и ей будет негде жить. И она просто лежала под одеялом одетая, трясаясь всем своим маленьким телом.

Пушистый кот, большой любитель тепла, стал оставаться на ночь на кухне возле печки. «Предатель», – думала девочка и хотела его игнорировать, как и все остальные, но когда тот во время завтрака на кухне начинал тереться о ее ноги, то забывала свои обиды на четвероногого бездельника и гладила его по голове.

В конце ноября в воскресенье Валентина Васильевна велела девочке идти с ней на речку Кинешемку полоскать накопившееся белье. Ослушаться она, конечно, не посмела и в своем единственном сереньком пальто, чулках и резиновых сапожках почти час своими детскими ручонками с мостков промывала в холодной воде хозяйские вещи. Придя домой, ребенок не чувствовал рук, они казались белыми и окоченевшими. Главным врагом маленького человека становился холод, такой непривычный после теплой Киргизии. Однако она терпела. Плакала, когда оставалась одна, но терпела. «Зачем я согласилась ехать в эту холодную Россию? Оставила любимую бабушку одну, единственную, кто меня любил и жалел. А здесь я никому не нужна и помочь, мне некому», – такие совсем недетские мысли не давали покоя новоявленной россиянке...

Однажды Виктория поделилась своими проблемами с Таней Коломиной. Та без спроса родителей взяла свою старую вязаную шапочку и варежки и подарила своей подруге. От такой щедрости Вика разревелась и призналась:

–Таня, я не знаю, выживу ли я зимой, ведь, наверное, ста-

нет еще холоднее...

Подруга, сама готовая пролить слезы, на минуту задумалась и сказала:

– Я слышала, что на улице Кирпичной есть детский дом, где живут дети, у которых нет родителей. А учатся они в школах недалеко от нашей, по-моему, первой и четвертой.

Вика заинтересованно слушала, а потом словно что-то вспомнив, произнесла:

– Меня туда не возьмут. Ведь у меня есть мама и бабушка...

Возникшую дилемму Татьяна решить не смогла, но робко предложила:

– А давай в каникулы вместе туда сходим и попросим, чтобы тебя оставили пожить хотя бы на зиму?

– А тебя родители за это не будут ругать?

Таня непроизвольно улыбнулась и не без гордости сказала:

– Они меня почти никогда не ругают, ведь я отличница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.